

Глава 1. Пролог

Нынешние отпрыски именитых кланов с малых лет только и слышали что о великих свершениях, потрясших мир заклинателей. Стоило произнести любое из имен Списка небесных испытаний, как слушатели замирали в благоговении, готовые часами пересказывать славные подвиги героев. Что же до первой тройки, то их деяния давно обросли бесчисленными домыслами и превратились в настоящие легенды.

Орден Цинсяо-цзун, неоспоримый глава всех праведных сект, открывал свои врата для новых учеников лишь раз в десять лет. Испытания для поступающих здесь были на порядок суровее, чем в любой другой обители, однако это не останавливало толпы пылких юношей, жаждущих пройти отбор.

И дело было вовсе не в том, что обучение сулило им почет и уважение. Истинная причина крылась в другом: под сенью Цинсяо-цзун обитал тот, чья слава гремела поднебесьем, а единственная улыбка могла пленить тысячи сердец. Первый красавец в Поднебесной.

Поговаривали, будто всякий, кому доводилось хотя бы мельком взглянуть на него, терял покой навек. Люди забывали о еде и сне, переставали замечать окружающих и лишь бессвязно бормотали что-то себе под нос, словно лишившись души.

Улыбка этого безупречного существа могла всколыхнуть все четыре моря. А потому людям со слабой волей искренне советовали держаться от него как можно дальше.

Кое-кто, впрочем, лишь заливался надменным смехом, слушая подобные предостережения:

— О каком чудовище речь? Чтобы один лишь взгляд лишал жизни? Из какой норы выбрался этот лисий дух?

— Прикуси язык! Не смей порочить имя Вэйцы-цзюня! — воскликнул один из гостей за хмельным столом, высоко поднимая чашу. — Он прославился еще в юности, возглавив Список десяти святых небесных испытаний. Пусть уличные байки преувеличивают, но ты не имеешь права выказывать неуважение к столь великому бессмертному!

— Сладко поешь. А сам-то ты хоть раз видел Вэйцы-цзюня? Знаешь, каков он с лица?

— Да как ты...

— Полно вам, — вмешался другой собеседник. — Первый красавец — и вдруг мужчина. Ну насколько хорош он может быть? Если бы мой оболтус не твердил без умолку, что мечтает поучиться у самого главы Десяти святых, чье искусство меча не знает равных, я бы ни за что не отпустил его в такую даль, как Цинсяо-цзун.

В зале шумело пиршество, слуги разносили вино, звенела музыка. Сделав глоток хмельного нектара, еще один гость заговорщически усмехнулся:

— Хе-хе, зря вы так. Моему отцу когда-то посчастливилось мельком увидеть Вэйцы-цзюня. О его мастерстве владения мечом и говорить нечего, а что до внешности...

— И что же? Что же? — нетерпеливо подался вперед кто-то из толпы. — Не томи, рассказывай!

— На редкость... — рассказчик выдержал театральную паузу, наслаждаясь всеобщим вниманием, — хорош собой.

За столами пронесся восхищенный гул. Любопытство присутствующих разгорелось с новой силой.

— Но разве Вэйцы-цзюнь не пребывает в затворе вот уже сто лет? — спросил один из гостей, принимаясь загибать пальцы. — Через три дня срок как раз истекает. Говорят, он явится миру прямо к началу великого набора учеников. Так, во всяком случае, объявил нынешний глава Цинсяо-цзун, Почтенный Хуачэнь, Пэй Таньцзы.

— Еще век назад он возглавлял Список десяти святых. Представьте, какова его сила теперь! Полагаю, он вполне может стоять на равных со своим наставником, главой ордена Пэй Таньцзы!

— О, день его возвращения наверняка всколыхнет Поднебесную! Благая весть разлетится на тысячи ли!

— Интересно, — пьяно ухмыльнулся один из гостей с покрасневшим от вина лицом, — решится ли прославленный на весь мир красавец взять себе нового ученика?

Стоило хмельному гуляке задать этот вопрос, как шум за столом мгновенно стих. Воцарилось тяжелое, почти осязаемое молчание. Даже праздные повесы, до этого громко шутившие и игравшие в кости, замерли и уставились на него с нескрываемым изумлением.

Под этими пристальными взглядами бедолага смешался. Не понимая, чем заслужил такую реакцию, он пролепетал:

— Ч-что не так?

Сосед по столу торопливо наклонился к нему и негромко, явно чувствуя себя неловко, прошептал:

— Ты что, совсем память потерял? Забыл, кто был прошлым учеником Вэйцы-цзюня? Тот

безумец... В его жилах текла кровь демонов. Чтобы заслужить хотя бы тень улыбки наставника, он безжалостно истреблял братьев по ордену. Настоящее чудовище с непостижимой силой. В итоге главе Пэй Таньцзы пришлось призвать на помощь троих сильнейших мастеров из Списка небесных испытаний, чтобы общими силами стереть его с лица земли.

— А что же Вэйцы-цзюнь? Он тоже участвовал в битве?

— Вроде бы нет. Но, по крайней мере, он не стал покрывать злодея и помогать своему ученику.

Любопытство окончательно овладело пьяным гостем, и он спросил:

— Значит, просто молча смотрел со стороны?

— А как иначе? — усмехнулся сидевший напротив заклинатель. — То, что Вэйцы-цзюнь не стал лично карать отступника, и без того было проявлением милосердия. Не думаешь же ты, что он стал бы спасать этого выродка от заслуженной смерти?

— Я вовсе не это имел в виду... — пробормотал пьяница.

— Да ну вас, к чему ворошить дела давно минувших дней! — раздался звон сталкивающихся чаш. — Мы здесь собрались, чтобы пить! Наполняйте кубки, господа! Оставим мрачные бредни в покое. Сегодня мы гуляем до упаду!

Его тут же поддержали одобрительные голоса:

— Верно! До упаду! А каков из себя этот Вэйцы-цзюнь, увидим через три дня. Налегайте на мясо, пейте!

В тот миг никто из хмельных пирующих и помыслить не мог, что признанный Первый красавец Поднебесной так и не появится на торжественной церемонии через три дня. Более того, отныне само имя его будет навсегда стерто из летописей величайшего ордена.

Ночь опустилась на землю, укутав горы тяжелыми грозовыми тучами.

На пике Чанлэ, в тиши Виллы Орхидеяного павильона, цвели весенние орхидеи и зимняя слива, наполняя воздух густым, пьянящим ароматом. Недавний дождь прибил к земле лепестки. Мокрые, они усеяли темную, влажную землю во дворе, а несколько бутонов опустились на крышку стоявшего под деревом гроба. Вокруг царил мертвая тишина.

Внезапно налетевший порыв зловещего ветра закружил опавшие лепестки, подняв их над гробом, словно хлопья багрового ночного снега. Ветер утих так же стремительно, как и появился, унося с собой грозовые тучи. Небо прояснилось, и в чистом сиянии луны отчетливо проступил тяжелый деревянный гроб, сплошь исписанный и заклеенный хаотично перекрещенными бумажными печатями. На багровых полосах тушью вились пугающие руны кровавых заклятий — зловещие знаки, призванные навеки упокоить то, что таилось внутри.

Новая волна ветра прошлась по двору, заставляя сухие лепестки взмыть ввысь. Бумажные ленты на черном дереве затрепетали. Сначала надорвался один край, затем другой, и освободившиеся полосы забили на ветру, обнажая темную древесину. Следом вздрогнул сам гроб. Дерево лихорадочно задрожало, будто мертвец внутри внезапно очнулся и принялся яростно колотить в тяжелую крышку.

Этот жуткий танец продолжался не меньше четверти часа. Дрожь нарастала, приближаясь к неминуемому взрыву, но в самый пик безумия все внезапно прекратилось. На землю вновь опустился покой. Лишь сорванные бумажные ленты сиротливо лежали в траве, напоминая о недавнем кошмаре. Все замерло...

Раздался оглушительный грохот, сопоставимый с ударом молнии. Крышку гроба сорвало и отшвырнуло далеко в сторону.

Прохладный весенний воздух ворвался внутрь, занеся с собой горсть ароматных лепестков. В носу у лежащего нестерпимо закрутило. Раздался негромкий, отчетливый чих.

Аллергия на пыльцу — штука паршивая.

Лежащий в гробу человек замер на мгновение, приходя в себя, после чего медленно ухватился за край деревянного короба. Контраст между его тонкими, мертвенно-бледными пальцами и угольно-черным деревом казался неестественно резким.

Он не спешил подниматься. Приоткрыв глаза, в которых, казалось, отражалась вся глубина ночного небосвода, он молча уставился в бескрайнюю высь. Мысленно прикинув, который час, мертвец едва заметно усмехнулся. Свое крайне скверное расположение духа он выразил предельно емко и лаконично.

"Ну, бывайте, господа хорошие"

<http://bllate.org/book/18178/1746359>